

А.С. Пушкин

СКАЗКА О ЦАРЕ САЛТАНЕ

Рисунки Н. Кочергина

1950

pdf VDV86

а. с. пушкин

Сказка
о царе Салтане,
о сыне Его, слав-
ном и могучем
богатыре, князе
Гвидоне Салтанс-
ком, и о прекрас-
ной царевне
Лебеди.

рисунки Н. Кочергина

пушкинское общество

1950

**СКАЗКА О ЦАРЕ САЛТАНЕ,
О СЫНЕ ЕГО СЛАВНОМ И МОГУЧЕМ
БОГАТЫРЕ КНЯЗЕ
ГВИДОНЕ САЛТАНОВИЧЕ
И О ПРЕКРАСНОЙ ЦАРЕВНЕ ЛЕБЕДИ**

Три девицы под окном
 Пряли поздно вечерком.
 „Кабы я была царица, —
 Говорит одна девица, —
 То на весь крещеный мир
 Приготовила б я пир“.
 „Кабы я была царица, —
 Говорит ее сестрица, —
 То на весь бы мир одна
 Наткала я полотна“.
 „Кабы я была царица, —
 Третья молвила сестрица, —
 Я б для батюшки-царя
 Родила богатыря“.

Только вымолвить успела,
 Дверь тихонько заскрыпела,
 И в светлицу входит царь,
 Стороны той государь.
 Во все время разговора
 Он стоял позади забора;
 Речь последней по всему
 Полюбилася ему.
 „Здравствуй, красная девица, —
 Говорит он, — будь царица
 И роди богатыря
 Мне к исходу сентября.
 Вы ж, голубушки-сестрицы,
 Выбирайтесь из светлицы,

Поезжайте вслед за мной,
 Вслед за мной и за сестрой:
 Будь одна из вас ткачиха,
 А другая повариха“.

В сени вышел царь-отец.
 Все пустились во дворец.
 Царь недолго собирался:
 В тот же вечер обвенчался.
 Царь Салтан за пир честной
 Сел с царицей молодой;
 А потом честные гости
 На кровать слоновой кости
 Положили молодых
 И оставили одних.
 В кухне злится повариха,
 Плачет у станка ткачиха,
 И завидуют оне
 Государевой жене.
 А царица молодая,
 Дела вдаль не отлагая,
 С первой ночи понесла.

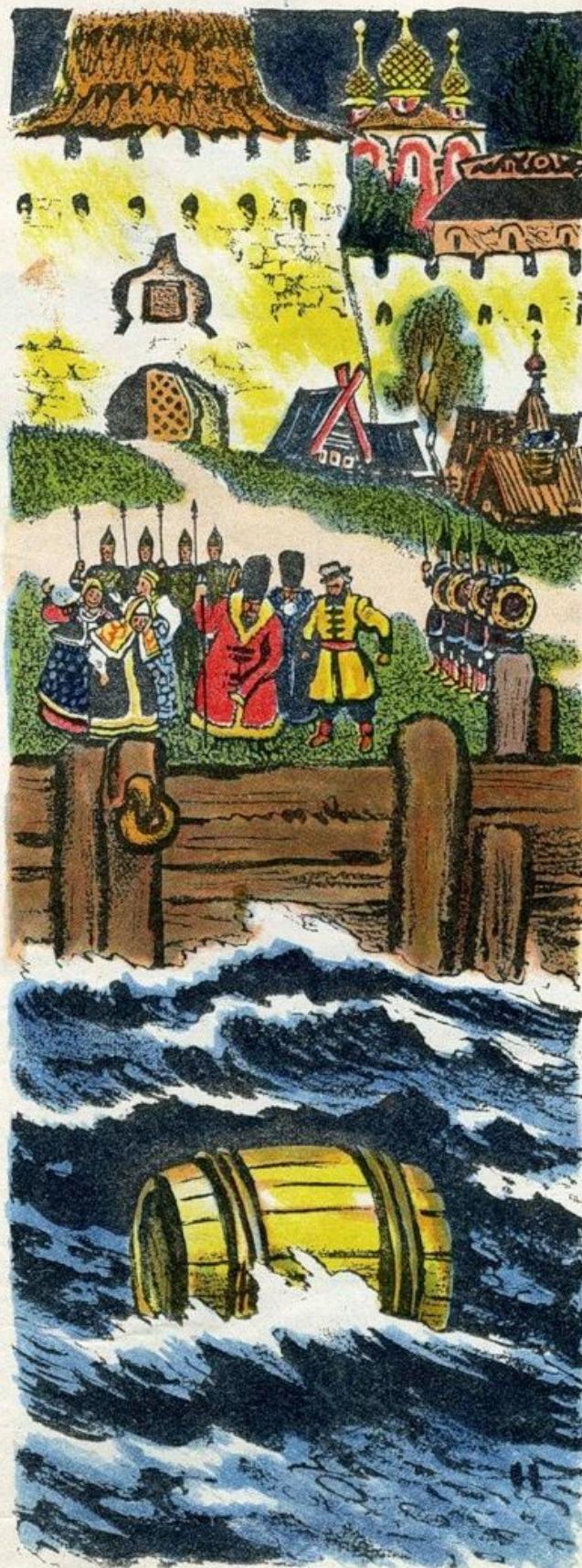
В те-поры война была.
 Царь Салтан, с женой простяся,
 На добра-коня садяся,
 Ей наказывал себя
 Поберечь, его любя.

Между тем, как он далёко
Бьется долго и жестоко,
Наступает срок родин;
Сына бог им дал в аршин,
И царица над ребенком,
Как орлица над орленком;
Шлет с письмом она гонца,
Чтоб обрадовать отца.
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой
Извести ее хотят,
Перенять гонца велят;
Сами шлют гонца другого
Вот с чем от слова до слова:
„Родила царица в ночь
Не то сына, не то дочь;
Не мышонка, не лягушку,
А неведому зверюшку“.

Как услышал царь-отец,
Что донес ему гонец,
В гневе начал он чудесить
И гонца хотел повесить;
Но, смягчившись на сей раз,
Дал гонцу такой приказ:
„Ждать царева возвращенья
Для законного решенья“.

Едет с грамотой гонец,
И приехал наконец.
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой,
Обобрать его велят;
Допьяна гонца поют
И в суму его пустую
Суют грамоту другую —
И привез гонец хмельной
В тот же день приказ такой:
„Царь велит своим боярам,
Времени не трята даром,
И царицу и приплод
Тайно бросить в бездну вод“.
Делать нечего: бояре,
Потужив о государе
И царице молодой,
В спальню к ней пришли толпой.
Объявили царску волю —
Ей и сыну злую долю,
Прочитали вслух указ,
И царицу в тот же час
В бочку с сыном посадили,
Засмолили, покатили
И пустили в Окиян —
Так велел-де царь Салтан.

В синем небе звезды блещут,
В синем море волны хлещут;
Туча по небу идет,

Бочка по морю плывет.
Словно горькая вдовица,
Плачет, бьется в ней царица;
И растет ребенок там
Не по дням, а по часам.
День прошел, царица вопит...
А дитя волну торопит:
„Ты, волна моя, волна!
Ты гульлива и вольна;
Плещешь ты, куда захочешь,
Ты морские камни точишь,
Топишь берег ты земли,
Подымашь корабли —
Не губи ты нашу душу:
Выплесни ты нас на сушу!“
И послушалась волна:
Тут же на берег она
Бочку вынесла легонько
И отхлынула тихонько.
Мать с младенцем спасена;
Землю чувствует она.
Но из бочки кто их вынет?
Бог неужто их покинет?
Сын на ножки поднялся,
В дно головкой уперся,
Понатужился немножко:
„Как бы здесь на двор окошко
Нам проделать?“ — молвил он,
Вышиб дно и вышел вон.

Мать и сын теперь на воле;
Видят холм в широком поле,
Море синее кругом,
Дуб зеленый над холмом.
Сын подумал: добрый ужин
Был бы нам однако нужен.
Ломит он у дуба сук
И в тугой сгибает лук,

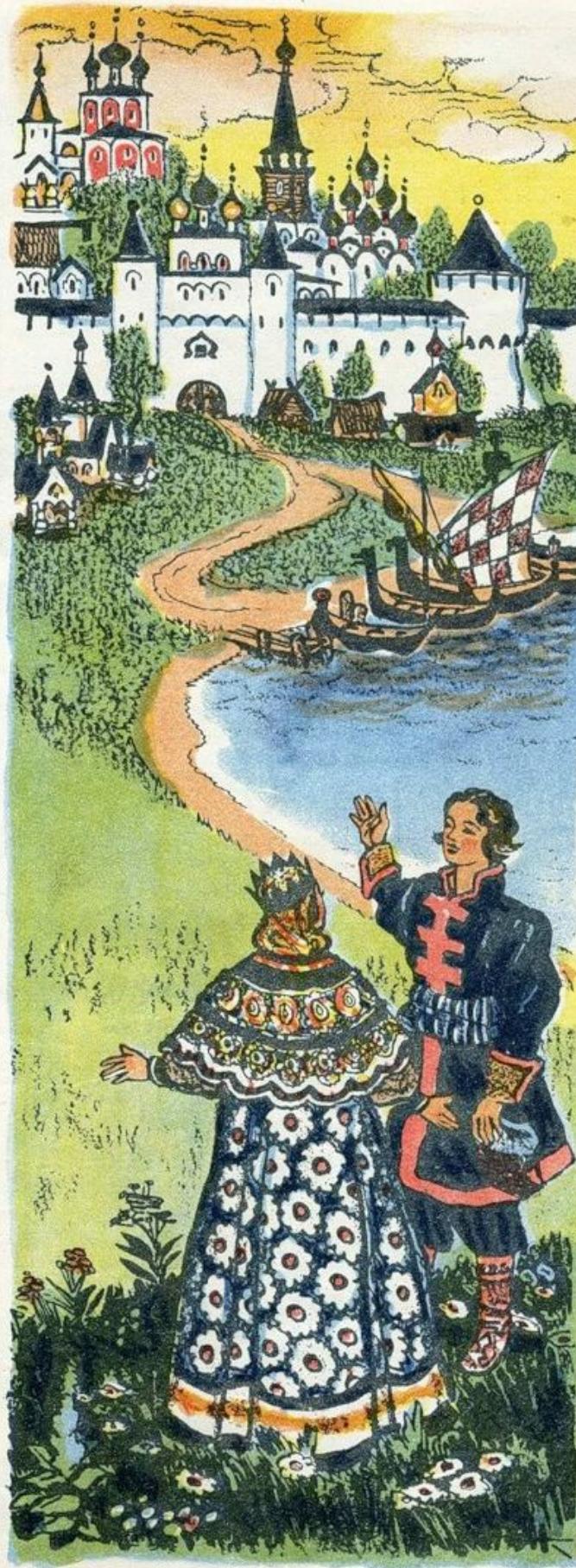
Со креста снурок шелковый
Натянул на лук дубовый,
Тонку тросточку сломил,
Стрелкой легкой завострил,
И пошел на край долины
У моря искать дичины.

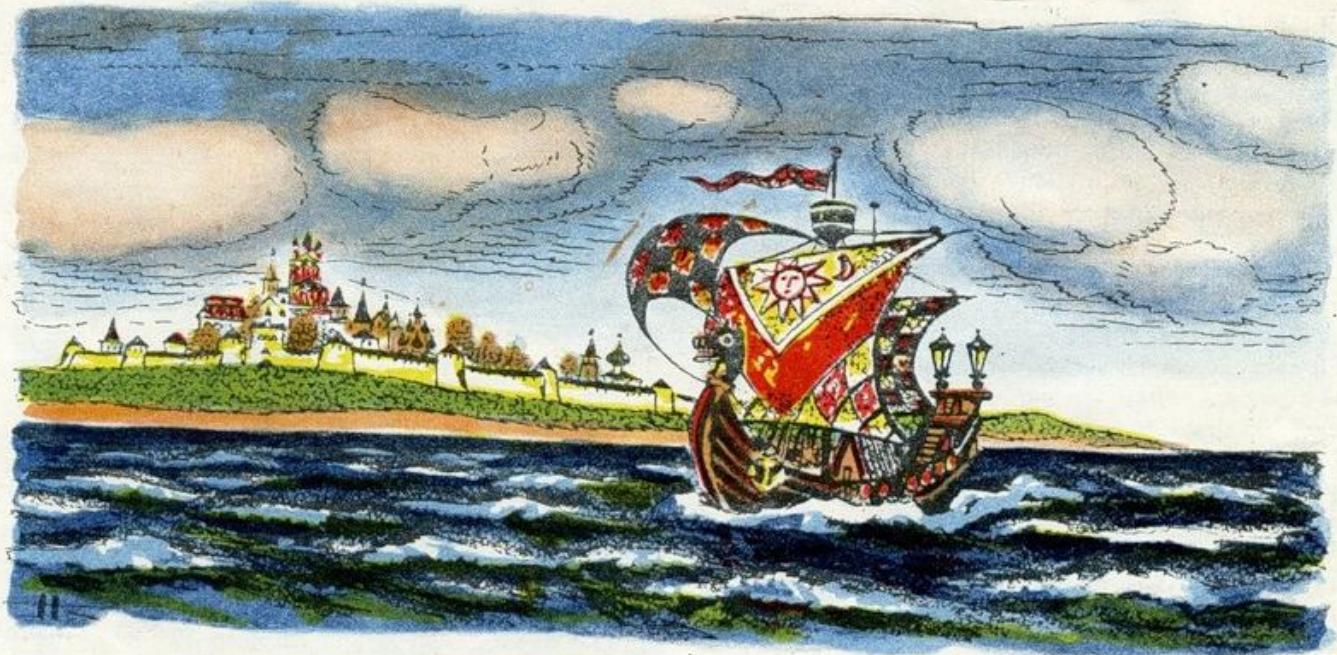
К морю лишь подходит он,
Вот и слышит будто стон...
Видно на море не тихо;
Смотрит — видит дело лихо:
Бьется лебедь средь зыбей,
Коршун носится над ней;
Та бедняжка так и плещет,
Воду вокруг мутит и хлещет..
Тот уж когти распустил,
Клёв кровавый навострил...
Но как раз стрела запела,
В шею коршуна задела —
Коршун в море кровь пролил,
Лук царевич опустил;
Смотрит: коршун в море тонет
И не птичим криком стонет,
Лебедь около плывет,
Злого коршуна клюет,
Гибель близкую торопит,
Бьет крылом и в море топит —
И царевичу потом
Молвят русским языком:
„Ты, царевич, мой спаситель,
Мой могучий избавитель,
Не тужи, что за меня
Есть не будешь ты три дня;
Что стрела пропала в море;
Это горе — всё не горе.
Отплачу тебе добром,
Сослужу тебе потом:
Ты не лебедь ведь избавил,

Девицу в живых оставил;
Ты не коршуна убил,
Чародея подстрелил.
Век тебя я не забуду:
Ты найдешь меня повсюду,
А теперь ты воротись,
Не горюй и спать ложись".

Улетела лебедь-птица,
А царевич и царица,
Целый день проведши так,
Лечь решились натощак.—
Вот открыл царевич очи;
Отрясая грэзы ночи
И дивясь, перед собой
Видит город он большой,
Стены с частыми зубцами
И за белыми стенами
Блещут маковки церквей
И святых монастырей.—
Он скорей царицу будит;
Та как ахнет!.. „То ли будет? —
Говорит он, — вижу я:
Лебедь тешится моя".
Мать и сын идут ко граду.
Лишь ступили за ограду,
Оглушительный трезвон
Поднялся со всех сторон:
К ним народ навстречу валит,
Хор церковный бога хвалит;
В колымагах золотых
Пышный двор встречает их;
Все их громко величают
И царевича венчают
Княжей шапкой, и главой
Возглашают над собой —
И среди своей столицы,
С разрешения царицы,
В тот же день стал княжить он
И нарекся: князь Гвидон.

Ветер на море гуляет
И кораблик подгоняет;
Он бежит себе в волнах
На раздутых парусах.
Корабельщики дивятся,
На кораблике толпятся,
На знакомом острову
Чудо видят наяву:
Город новый златоглавый,
Пристань с крепкою заставой —
Пушки с пристани палят,
Кораблю пристать велят.
Пристают к заставе гости;
Князь Гвидон зовет их в гости,
Их он кормит и поит
И ответ держать велит:

„Чем вы, гости, торг ведете,
 И куда теперь плывете?“
 Корабельщики в ответ:
 „Мы объехали весь свет,
 Торговали соболями,
 Чернобурыми лисами;
 А теперь нам вышел срок,
 Едем прямо на восток,
 Мимо острова Буяна,
 В царство славного Салтана...“
 Князь им вымолвил тогда:
 „Добрый путь вам, господа,
 По морю по Окияну
 К славному царю Салтану;
 От меня ему поклон“.
 Гости в путь, а князь Гвидон
 С берега душой печальной
 Провожает бег их дальний;
 Глядь — поверх текучих вод
 Лебедь белая плывет.
 „Здравствуй, князь ты мой прекрасный!
 Что ты тих, как день ненастный?
 Опечалился чему?“ —
 Говорит она ему.
 Князь печально отвечает:
 „Грусть-тоска меня съедает,
 Одолела молодца:
 Видеть я б хотел отца“.
 Лебедь князю: „Вот в чем горе!
 Ну, послушай: хочешь в море
 Полететь за кораблем?
 Будь же, князь, ты комаром“.
 И крылами замахала,
 Воду с шумом расплескала
 И обрызгала его
 С головы до ног — всего.

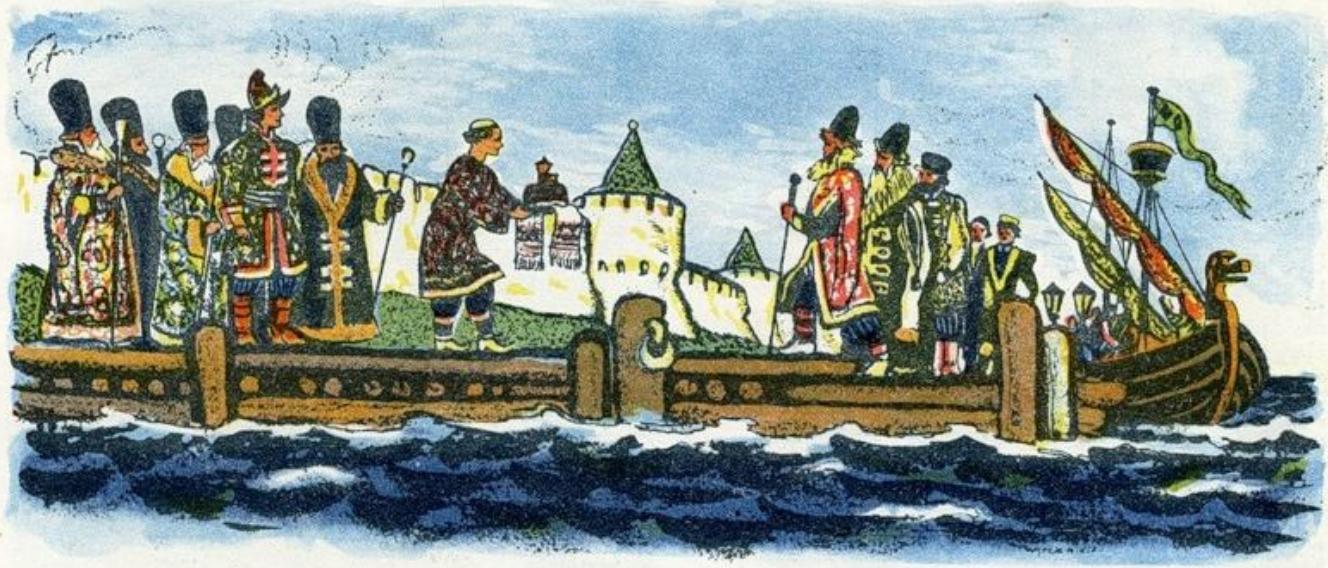
Тут он в точку уменьшился,
 Комаром оборотился,
 Полетел и запищал,
 Судно на море догнал,
 Потихоньку опустился
 На корабль — и в щель забился.

Ветер весело шумит,
 Судно весело бежит
 Мимо острова Буяна,
 К царству славного Салтана,
 И желанная страна
 Вот уж издали видна. —
 Вот на берег вышли гости;
 Царь Салтан зовет их в гости,
 И за ними во дворец
 Полетел наш удалец.
 Видит: весь сияя в злате,
 Царь Салтан сидит в палате
 На престоле и в венце
 С грустной думой на лице;
 А ткачиха с поварихой,
 С сватьей бабой Бабарихой,
 Около царя сидят
 И в глаза ему глядят.
 Царь Салтан гостей сажает
 За свой стол и вопрошают:
 „Ой вы, гости-господа,
 Долго ль ездили? куда?
 Ладно ль за морем, иль худо?
 И какое в свете чудо?“
 Корабельщики в ответ:
 „Мы объехали весь свет;
 За морем житье не худо,
 В свете ж вот какое чудо:
 В море остров был крутой,

Не привальный, не жилой;
 Он лежал пустой равниной;
 Рос на нем дубок единий;
 А теперь стоит на нем
 Новый город со дворцом,
 С златоглавыми церквами,
 С теремами и садами,
 А сидит в нем князь Гвидон;
 Он прислал тебе поклон".
 Царь Салтан дивится чуду;
 Молвит он: "Коль жив я буду,
 Чудный остров навещу,
 У Гвидона погощу".
 А ткачиха с поварихой,
 С сватьей бабой Бабарихой,
 Не хотят его пустить
 Чудный остров навестить.
 "Уж диковинка, ну право,—
 Подмигнув другим лукаво,
 Повариха говорит: —
 Город у моря стоит!
 Знайте, вот что не безделка:
 Ель в лесу, под елью белка,
 Белка песенки поет
 И орешки всё грызет,
 А орешки не простые,
 Всё скорлупки золотые,
 Ядра — чистый изумруд;
 Вот что чудом-то зовут".
 Чуду царь Салтан дивится,
 А комар-то злится, злится —
 И впился комар как раз
 Тетке прямо в правый глаз.
 Повариха побледнела,
 Обмерла и окривела.
 Слуги, сватья и сестра
 С криком ловят комара.
 "Распроклятая ты мошка!
 Мы тебя!.. " А он в окошко,
 Да спокойно в свой удел
 Через море полетел.

Снова князь у моря ходит,
 С синя моря глаз не сводит;
 Глядь — поверх текучих вод
 Лебедь белая плывет.
 "Здравствуй, князь ты мой
 прекрасный!
 Что ж ты тих, как день ненастный?
 Опечалился чему?" —
 Говорит она ему.
 Князь Гвидон ей отвечает:
 "Грусть-тоска меня съедает;
 Чудо чудное завесть
 Мне б хотелось. Где-то есть
 Ель в лесу, под елью белка;
 Диво, право, не безделка —
 Белка песенки поет,

Да орешки всё грызет,
А орешки не простые,
Всё скорлупки золотые,
Ядра — чистый изумруд;
Но, быть может, люди врут".
Князю лебедь отвечает:
„Свет о белке правду бает;
Это чудо знаю я;
Полно, князь, душа моя,
Не печалься; рада службу
Оказать тебе я в дружбу".
С ободренною душой
Князь пошел себе домой;
Лиши ступил на двор широкой —
Что ж? под елкою высокой,
Видит, белочка при всех
Золотой грызет орех,
Изумрудец вынимает,
А скорлупку собирает,
Кучки равные кладет,
И с присвисточкой поет
При честном, при всем народе:
Во саду ли, в огороде.
Изумился князь Гвидон.
„Ну, спасибо, — молвил он: —
Ай да лебедь — дай ей боже,
Что и мне, веселье то же".
Князь для белочки потом
Выстроил хрустальный дом.
Караул к нему приставил
И притом дьяка заставил
Строгий счет орехам весть
Князю прибыль, белке честь.

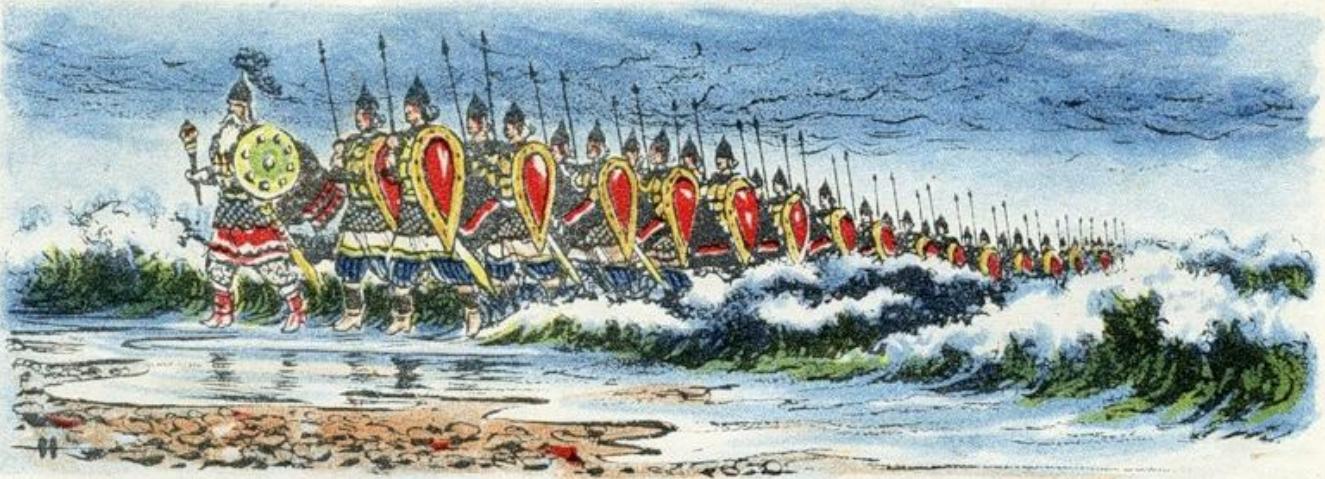
Ветер по морю гуляет
И кораблик подгоняет;
Он бежит себе в волнах
На поднятых парусах

Мимо острова крутого,
Мимо города большого;
Пушки с пристани палят,
Кораблю пристать велят.
Пристают к заставе гости;
Князь Гвидон зовет их в гости,
Их и кормит и поит
И ответ держать велит:
„Чем вы, гости, торг ведете,
И куда теперь плывете?"
Корабельщики в ответ:
„Мы объехали весь свет,
Торговали мы конями,
Всё донскими жеребцами,
А теперь нам вышел срок —
И лежит нам путь далек:
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана..."
Говорит им князь тогда:
„Добрый путь вам, господа,
По морю по Окияну
К славному царю Салтану;
Да скажите: князь Гвидон
Шлет царю-де свой поклон".

Гости князю поклонились,
Вышли вон и в путь пустились.
К морю князь — а лебедь там
Уж гуляет по волнам.
Молит князь: душа-де просит,
Так и тянет и уносит...
Вот опять она его
Вмиг обрызгала всего:
В муху князь оборотился,
Полетел и опустился
Межу моря и небес
На корабль — и в щель залез.

Ветер весело шумит,
Судно весело бежит
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана —
И желанная страна
Вот уж издали видна;
Вот на берег вышли гости;
Царь Салтан зовет их в гости,
И за ними во дворец
Полетел наш удалец.
Видит: весь сияя в злате,
Царь Салтан сидит в палате
На престоле и в венце,
С грустной думой на лице.
А ткачиха с Бабарихой
Да с кривою поварихой
Около царя сидят,
Злыми жабами глядят.
Царь Салтан гостей сажает
За свой стол и спрашивает:
„Ой вы, гости-господа,
Долго ль ездили? куда?
Ладно ль за морем иль худо,
И какое в свете чудо?“
Корабельщики в ответ:
„Мы объехали весь свет;
За морем житье не худо;
В свете ж вот какое чудо:
Остров на море лежит,
Град на острове стоит
С златоглавыми церквами,
С теремами да садами;
Ель растет перед дворцом,
А под ней хрустальный дом;
Белка там живет ручная,
Да затейница какая!
Белка песенки поет,
Да орешки всё грызет,
А орешки не простые,
Всё скорлупки золотые,
Ядра — чистый изумруд;
Слуги белку стерегут,
Служат ей прислугой разной —
И приставлен дьяк приказный
Строгий счет орехам весть;
Отдает ей войско честь,
Из скорлупок льют монету
Да пускают в ход по свету;
Девки сыплют изумруд
В кладовые, да подспуд;
Все в том острове богаты,
Изоб нет, везде палаты;
А сидит в нем князь Гвидон;
Он прислал тебе поклон“.
Царь Салтан дивится чуду,
„Если только жив я буду,
Чудный остров навещу,
У Гвидона погощу“.

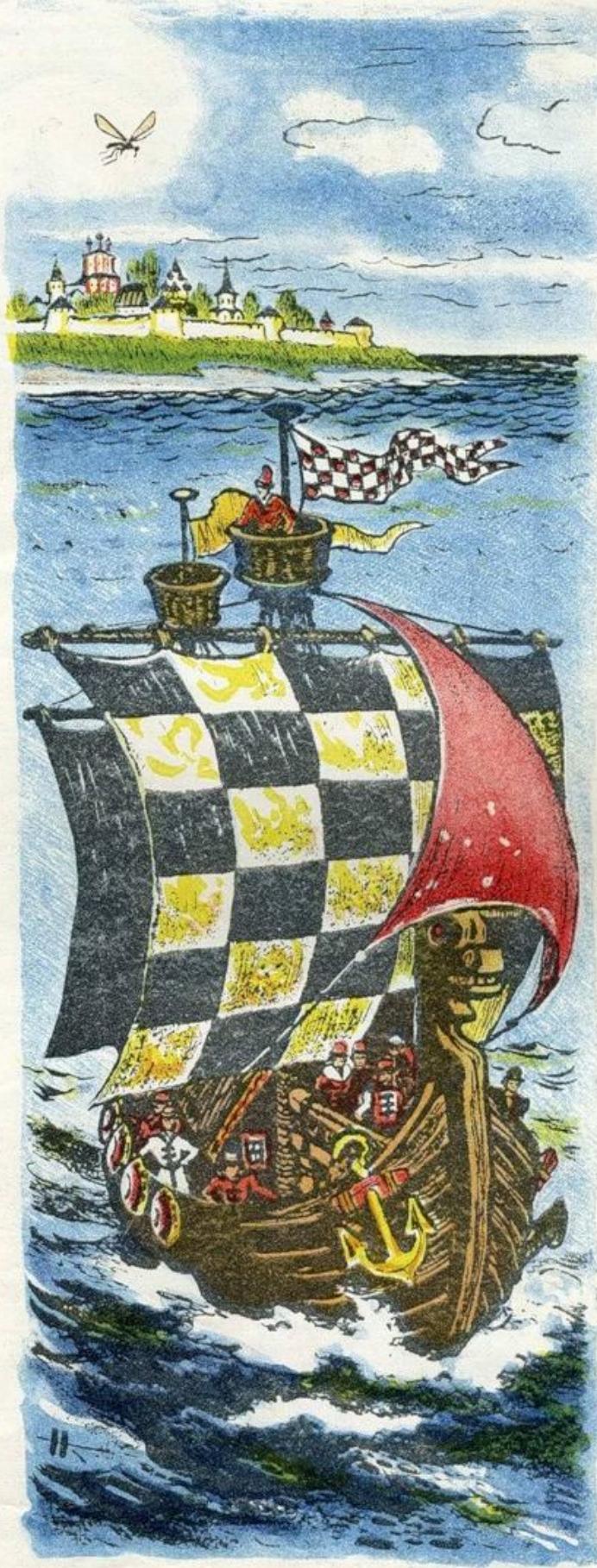
А ткачиха с поварихой,
 С сватьей бабой Бабарихой,
 Не хотят его пустить
 Чудный остров навестить.
 Усмехнувшись исподтиха,
 Говорит царю ткачиха:
 „Что тут дивного? ну, вот!
 Белка камушки грызет,
 Мечет золото и в груды
 Загребает изумруды;
 Этим нас не удивишь,
 Правду ль, нет ли, говоришь.
 В свете есть иное диво:
 Море вздуется бурливо,
 Закипит, подымет вой,
 Хлынет на берег пустой,
 Разольется в шумном беге,
 И очутятся на бреге,
 В чешуе, как жар горя,
 Тридцать три богатыря,
 Все красавцы удалые,
 Великаны молодые,
 Все равны, как на подбор,
 С ними дядька Черномор.
 Это диво, так уж диво,
 Можно молвить справедливо!“
 Гости умные молчат,
 Спорить с нею не хотят.
 Диву царь Салтан дивится,
 А Гвидон-то злится, злится...
 Зажужжал он и как раз
 Тетке сел на левый глаз;
 И ткачиха побледнела:
 „Ай!“ и тут же окривела;
 Все кричат: „Лови, лови,
 Да дави ее, дави...
 Вот ужо! постой немножко,
 Погоди...“ А князь в окошко,
 Да спокойно в свой удел
 Через море прилетел!

Князь у синя моря ходит,
 С синя моря глаз не сводит;
 Глядь — поверх текучих вод
 Лебедь белая плывет.
 „Здравствуй, князь ты мой прекрасный!
 Что ты тих, как день ненастный?
 Опечалился чему?“ —
 Говорит она ему.
 Князь Гвидон ей отвечает:
 „Грусть-тоска меня съедает —
 Диво б дивное хотел
 Перенесть я в мой удел“.
 — „А какое ж это диво?“
 — „Где-то вздуется бурливо
 Окиян, подымет вой,
 Хлынет на берег пустой,
 Расплеснется в шумном беге,
 И очутятся на бреге,
 В чешуе, как жар горя,
 Тридцать три богатыря,
 Все красавцы молодые,
 Великаны удалые,
 Все равны, как на подбор,
 С ними дядька Черномор“.
 Князю лебедь отвечает:
 „Вот что, князь, тебя смущает?
 Не тужи, душа моя,
 Это чудо знаю я.
 Эти витязи морские
 Мне ведь братья все родные.
 Не печалься же, ступай,
 В гости братцев поджирай“.
 Князь пошел, забывши горе,
 Сел на башню, и на море
 Стал глядеть он; море вдруг
 Вскользнуло вокруг,
 Расплескалось в шумном беге
 И оставило на бреге
 Тридцать три богатыря;

В чешуе, как жар горя,
 Идут витязи четами,
 И блестая сединами
 Дядька впереди идет
 И ко граду их ведет.
 С башни князь Гвидон сбегает,
 Дорогих гостей встречает;
 Второпях народ бежит;
 Дядька князю говорит:
 „Лебедь нас к тебе послала
 И наказом наказала
 Славный город твой хранить
 И дозором обходить.
 Мы отныне ежеденно
 Вместе будем непременно
 У высоких стен твоих
 Выходить из вод морских.
 Так увидимся мы вскоре,
 А теперь пора нам в море,
 Тяжек воздух нам земли“.
 Все потом домой ушли.

Ветер по морю гуляет
 И кораблик подгоняет;
 Он бежит себе в волнах
 На поднятых парусах
 Мимо острова крутого,
 Мимо города большого;
 Пушки с пристани палят,
 Кораблю пристать велят.
 Пристают к заставе гости.
 Князь Гвидон зовет их в гости,
 Их и кормит и поит
 И ответ держать велит:
 „Чем вы, гости, торг ведете?
 И куда теперь плывете?“
 Корабельщики в ответ:
 „Мы объехали весь свет;
 Торговали мы булатом,
 Чистым серебром и златом,
 И теперь нам вышел срок;
 А лежит нам путь далек,
 Мимо острова Буяна,
 В царство славного Салтана“.
 Говорит им князь тогда:
 „Добрый путь вам, господа,
 По морю по Окияну
 К славному царю Салтану.
 Да скажите ж: князь Гвидон
 Шлет-де свой царю поклон“.

Гости князю поклонились,
 Вышли вон и в путь пустились.
 К морю князь, а лебедь там
 Уж гуляет по волнам.
 Князь опять: душа-де просит...
 Так и тянет, и уносит...
 И опять она его
 Вмиг обрызгала всего.

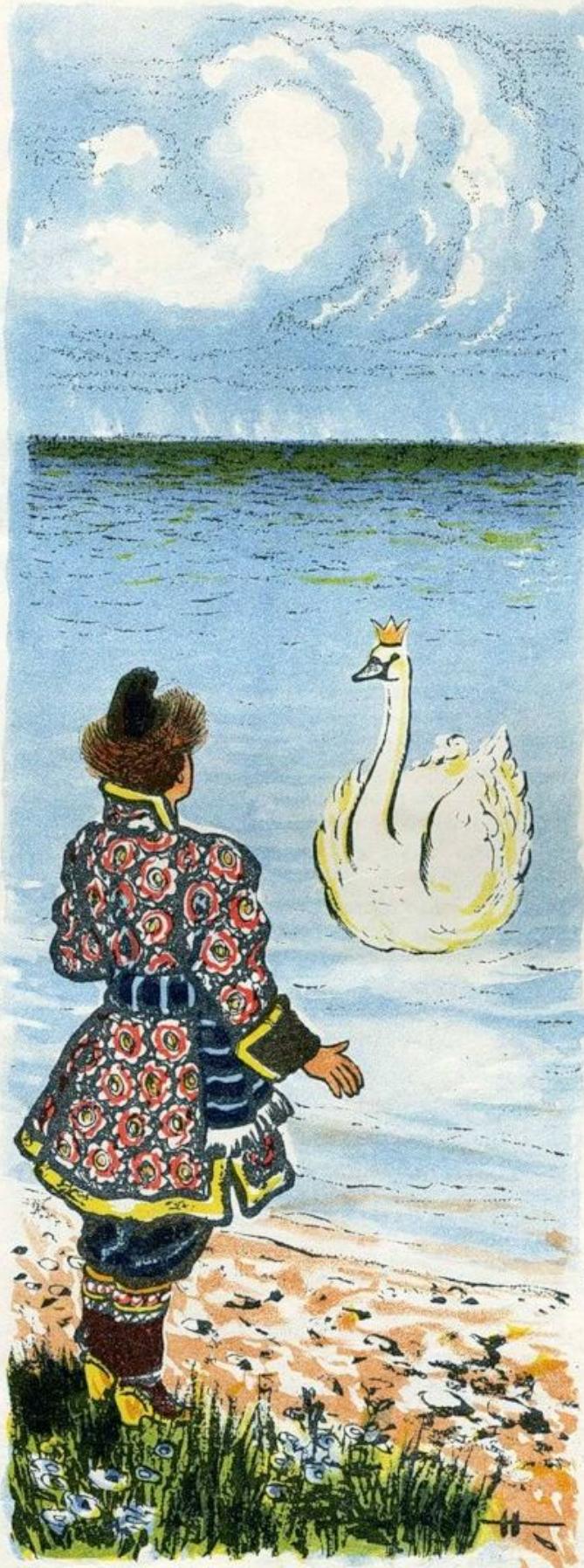
Тут он очень уменьшился,
Шмелем князь оборотился,
Полетел и зажужжал;
Судно на море дognал,
Потихоньку опустился
На корму — и в щель забился.

Ветер весело шумит,
Судно весело бежит
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана,
И желанная страна
Вот уж издали видна.
Вот на берег вышли гости.
Царь Салтан зовет их в гости,
И за ними во дворец
Полетел наш удалец.
Видит, весь сияя в злате,
Царь Салтан сидит в палате
На престоле и в венце
С грустной думой на лице.
А ткачиха с поварихой,
С сватвой бабой Бабарихой,
Около царя сидят —
Четырьмя все триглядят.
Царь Салтан гостей сажает
За свой стол и вопрошает:
„Ой вы, гости-господа,
Долго ль ездили? куда?
Ладно ль за морем иль худо?
И какое в свете чудо?“
Корабельщики в ответ:
„Мы объехали весь свет;
За морем житье не худо;
В свете ж вот какое чудо:
Остров на море лежит,
Град на острове стоит,
Каждый день идет там диво:
Море вздуется бурливо,

Закипит, подымет вой,
Хлынет на берег пустой,
Расплеснется в скором беге —
И останутся на бреге
Тридцать три богатыря,
В чешуе златой горя,
Все красавцы молодые,
Великаны удалые,
Все равны, как на подбор;
Старый дядька Черномор
С ними из моря выходит
И попарно их выводит,
Чтобы остров тот хранить
И дозором обходить —
И той стражи нет надежней,
Ни храбрее, ни прилежней.
А сидит там князь Гвидон;
Он прислал тебе поклон“.
Царь Салтан дивится чуду.
„Коли жив я только буду,
Чудный остров навещу
И у князя погощу“.
Повариха и ткачиха
Ни гугу — но Бабариха,
Усмехнувшись говорит:
„Кто нас этим удивит?
Люди из моря выходят
И себе дозором бродят!
Правда ль бают или лгут,
Дива я не вижу тут.
В свете есть такие ль дива?
Вот идет молва правдива:
За морем царевна есть,
Что не можно глаз отвесть:
Днем свет божий затмевает,
Ночью землю освещает,
Месяц под косой блестит,
А во лбу звезда горит.
А сама-то величава,

Выплывает, будто пава;
 А как речь-то говорит,
 Словно реченька журчит.
 Молвить можно справедливо,
 Это диво, так уж диво".
 Гости умные молчат:
 Спорить с бабой не хотят.
 Чуду царь Салтан дивится —
 А царевич хоть и злится,
 Но жалеет он очей
 Старой бабушки своей;
 Он над ней жужжит, кружится —
 Прямо на нос к ней садится,
 Нос ужалил богатырь;
 На носу вскочил волдырь.
 И опять пошла тревога:
 „Помогите, ради бога!
 Карапул! лови, лови,
 Да дави его, дави...
 Вот ужо! пожди немножко,
 Погоди!..“ А шмель в окошко,
 Да спокойно в свой удел
 Через море полетел.

Князь у синя моря ходит,
 С синя моря глаз не сводит;
 Глядь — поверх текучих вод
 Лебедь белая плывет.
 „Здравствуй, князь ты мой
 прекрасный!
 Что ж ты тих, как день ненастный?
 Опечалился чему? —
 Говорит она ему.
 Князь Гвидон ей отвечает:
 „Грусть-тоска меня съедает:
 Люди женятся: гляжу,
 Не женат лишь я хожу“. —
 — „А кого же на примете
 Ты имеешь? — „Да на свете,
 Говорят, царевна есть,
 Что не можно глаз отвесь.
 Днем свет божий затмевает,
 Ночью землю освещает —
 Месяц под косой блестит,
 А во лбу звезда горит.
 А сама-то величава,
 Выступает, будто пава;
 Сладку речь-то говорит,
 Будто реченька журчит.
 Только, полно, правда ль это?“
 Князь со страхом ждет ответа.
 Лебедь белая молчит
 И подумав говорит:
 „Да! такая есть девица.
 Но жена не рукавица:
 С белой ручки не стряхнешь,
 Да за пояс не заткнешь.
 Услужу тебе советом —

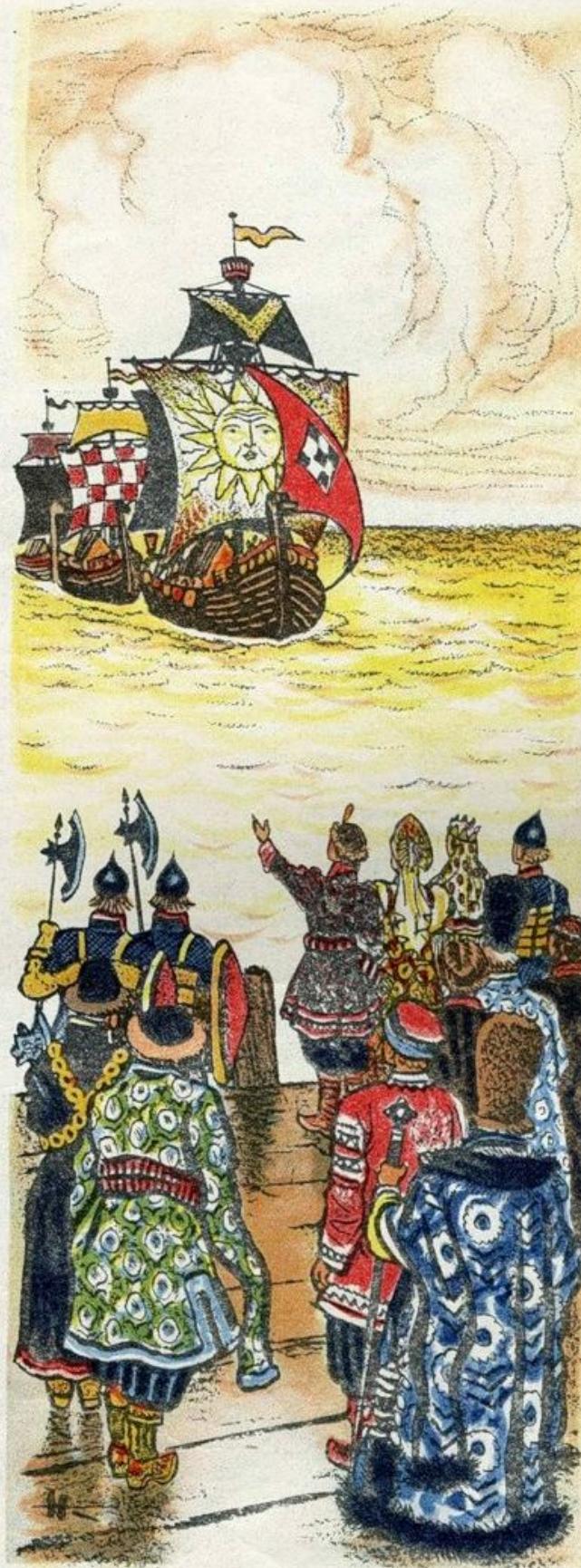
Слушай: обо всем об этом
Пораздумай ты путем,
Не раскаяться б потом".
Князь пред нею стал божиться,
Что пора ему жениться,
Что об этом обо всем
Передумал он путем;
Что готов душою страстной
За царевною прекрасной
Он пешком идти отсель,
Хоть за тридевять земель.
Лебедь тут, вздохнув глубоко,
Молвила: "Зачем далёко?
Знай, близка судьба твоя,
Ведь царевна эта — я".
Тут она, взмахнув крылами,
Полетела над волнами
И на берег с высоты
Опустилась в кусты,
Встрепенулась, отряхнулась,
И царевной обернулась:
Месяц под косой блестит,
А во лбу звезда горит;
А сама-то величава,
Выступает, будто пава;
А как речь-то говорит,
Словно реченька журчит.
Князь царевну обнимает,
К белой груди прижимает
И ведет ее скорей
К милой матушке своей.
Князь ей в ноги, умоляя:
"Государыня-родная!
Выбрал я жену себе,

Дочь послушную тебе.
Просим оба разрешенья,
Твоего благословенья:
Ты детей благослови
Жить в совете и любви".
Над главою их покорной
Мать с иконой чудотворной
Слезы льет и говорит:
"Бог вас, дети, наградит".
Князь не долго собирался,
На царевне обвенчался;
Стали жить да поживать,
Да приплода поджидать.

Ветер по морю гуляет
И кораблик подгоняет;
Он бежит себе в волнах
На раздутых парусах
Мимо острова крутого,
Мимо города большого;
Пушки с пристани палят,
Кораблю пристать велят.
Пристают к заставе гости,
Князь Гвидон зовет их в гости,
Он их кормит и поит
И ответ держать велит:
"Чем вы, гости, торг ведете,
И куда теперь плывете?"
Корабельщики в ответ:
"Мы объехали весь свет,
Торговали мы недаром
Неуказанным товаром;
А лежит нам путь далек:
Восвояси на восток,

Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана".
Князь им вымолвил тогда:
„Добрый путь вам, господа,
По морю по Окияну
К славному царю Салтану;
Да напомните ему,
Государю своему:
К нам он в гости обещался,
А доселе не собрался —
Шлю ему я свой поклон".
Гости в путь, а князь Гвидон
Дома на сей раз остался
И с женою не расстался.

Ветер весело шумит,
Судно весело бежит
Мимо острова Буяна,
К царству славного Салтана,
И знакомая страна
Вот уж издали видна.
Вот на берег вышли гости.
Царь Салтан зовет их в гости.
Гости видят: во дворце
Царь сидит в своем венце,
А ткачиха с поварикой,
С сватьей бабой Бабарихой,
Около царя сидят,
Четырьмя все триглядят.
Царь Салтан гостей сажает
За свой стол и вопрошает:
„Ой вы, гости-господа,
Долго ль ездили? куда?
Ладно ль за морем иль худо?
И какое в свете чудо?"
Корабельщики в ответ:
„Мы обхехали весь свет;
За морем житье не худо,
В свете ж вот какое чудо:
Остров на море лежит,
Град на острове стоит,
С златоглавыми церквами,
С теремами и садами;
Ель растет перед дворцом,
А под ней хрустальный дом;
Белка в нем живет ручная,
Да чудесница какая!
Белка песенки поет,
Да орешки всё грызет;
А орешки не простые,
Скорлупы-то золотые,
Ядра — чистый изумруд;
Белку холят, берегут.
Там еще другое диво:
Море вздуется бурливо,
Закипит, подымет вой,
Хлынет на берег пустой,
Расплеснется в скром беге

И очутятся на брэге,
В чешуе, как жар горя,
Тридцать три богатыря,
Все красавцы удалые,
Великаны молодые,
Все равны, как на подбор —
С ними дядька Черномор.
И той стражи нет надежней,
Ни храбрее, ни прилежней.
А у князя женка есть,
Что не можно глаз отвесьт:
Днем свет божий затмевает,
Ночью землю освещает;
Месяц под косой блестит,
А во лбу звезда горит.
Князь Гвидон тот город правит,
Всяк его усердно славит;
Он прислал тебе поклон,
Да тебе пеньяет он:
К нам-де в гости обещался,
А доселе не собрался".

Тут уж царь не утерпел,
Снарядить он флот велел.
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой,
Не хотят царя пустить
Чудный остров навестить.
Но Салтан им не внимает
И как раз их унимает:
"Что я? царь или дитя?" —
Говорит он не шутя: —
Нынче ж еду!" — Тут он топнул,
Вышел вон и дверью хлопнул.

Под окном Гвидон сидит,
Модча на море глядит:
Не шумит оно, не хлещет,
Лишь едва, едва трепещет,
И в лазоревой дали
Показались корабли:
По равнинам Окияна
Едет флот царя Салтана.
Князь Гвидон тогда вскочил,
Громогласно возопил:
"Матушка моя родная!
Ты, княгиня молодая!
Посмотрите вы туда:
Едет батюшка сюда"
Флот уж к острову подходит.
Князь Гвидон трубу наводит:
Царь на палубе стоит
И в трубу на них глядит;
С ним ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой;

Удивляются оне
Незнакомой стороне.
Разом пушки запалили;
В колокольнях зазвонили;
К морю сам идет Гвидон;
Там царя встречает он
С поварихой и ткачихой,
С сватьей бабой Бабарихой;
В город он повел царя,
Ничего не говоря.

Все теперь идут в палаты:
У ворот блестают латы,
И стоят в глазах царя
Тридцать три богатыря,
Все красавцы молодые,
Великаны удалые,
Все равны, как на подбор,
С ними дядька Черномор.
Царь вступил на двор широкой:
Там под елкою высокой
Белка песенку поет,
Золотой орех грызет,
Изумрудец вынимает
И в мешочек опускает;
И засеян двор большой
Золотою скорлупой.
Гости дале — торопливо
Смотрят — что ж? княгиня — диво:
Под косой луна блестит,
А во лбу звезда горит;
А сама-то величава,
Выступает, будто пава,
И свекровь свою ведет.
Царь глядит — и узнает...
В нем взыграло ретивое!
"Что я вижу? что такое?
Как!" — и дух в нем занялся...
Царь слезами залился,
Обнимает он царицу
И сынка и молодицу,
И садится все за стол;
И веселый пир пошел.
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой,
Разбежались по углам;
Их нашли насилиу там.
Тут во всем они признались,
Повинились, разрыдались;
Царь для радости такой
Отпустил всех трех домой.
День прошел — царя Салтана
Уложили спать вполъяна.
Я там был; мед, пиво пил —
И усы лишь обмочил.

Редактор Л. Н. Назарова

Цена 3 руб. 50коп.

